

ОПЕРЕДИВШИЙ ЭПОХУ

К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ГЕОРГА
БЮХНЕРА

Когда в 1837 году в Цюрихе умер 24-летний студент-медик Георг Бюхнер, о нем знали только немногие. Знали, что писал он какие-то необычные пьесы и что в 1834 году у себя на родине, в захолустном «великом герцогстве» Гессенском, вместе с друзьями начал издавать революционную газету «Гессенский сельский вестник», призывавшую крестьян бороться против господ. Но едва только вышел первый номер с грозным девизом французской революции «Мир хижинам! Война дворцам!», полиция напала на след издателей, некоторые были схвачены, а Бюхнер успел бежать за границу.

В течение многих десятилетий о нем вспоминали чаще всего лишь как об участнике яркого эпизода в истории немецкой общественной мысли и политической борьбы.

Но в конце XIX века обнаружилось, что небольшое по объему творческое наследство Бюхнера — три пьесы, одна незаконченная новелла, несколько статей, письма — все сильнее увлекает, волнует людей новых поколений. Внуки и правнуки открыли то, чего не заметили современники Бюхнера: глубину, смелость и сложность его поэтической мысли, живую силу художественных образов. Его называли своим учителем и предшественником Герхарт Гауптман, Франк Ведекинд и драматурги немецкого экспрессионизма, а совсем недавно — великий мастер мировой социалистической литературы Бертольт Брехт.

В театрах молодой Советской республики в 1918—1919 гг. в новый революционный репертуар включалась драма Бюхнера «Смерть Дантона», переведенная А. Н. Толстым. И сегодня передовые художники разных стран видят в Бюхнере своего соратника.

Творчество Георга Бюхнера возникло в эпоху великого революционного и вместе с тем глубоко противоречивого обновления Европы, в эпоху, знаменательными вехами которой были французские революции 1789—1794 и 1830 гг., а грозным итогом, возвещавшим новые, еще более значительные перемены, стал «Коммунистический манифест».

Бюхнер с глубоким состраданием и неостудимым гневом видел, как бедняки прозябают в безрадостном труде, в мучительных унижениях, как преуспевают богачи и знать, корыстные стяжатели, жестокие лицемеры, чванные, самодовольные тунеядцы. Уже юношей он разумом и сердцем усвоил мечты революционной демократии. И до конца дней верил, что только великая народная революция спасет его родину и весь мир от голода, от рабства, от несправедливости.

Бюхнер был настоящим революционером — самозабвенно отважным, целеустремленным и настоящим революционным художником, беспощадно правдивым, чутко воспринимавшим сокровенные противоречия действительности. Убежденный в исторической необходимости и плодотворности революционной борьбы, он не пытался ни скрывать, ни сглаживать порождаемые ею трагедии. Этим определяется и шекспировская мощь его драмы «Смерть Дантона» и суть его взглядов на искусство.

во. «Когда мне говорят, что художник должен изображать мир не таким, каков он есть, а таким, каким он должен был бы быть, я отвечаю, что не хочу ничего лучше делать, чем господь бог, который конечно же создал мир таким, каким он должен быть», — насмешливо писал он.

Неуклонное стремление к правде — не в изображении внешних, видимых черт, но прежде всего в раскрытии глубоких, корневых основ, из которых растут события, характеры, взаимоотношения, — определяет все творчество Бюхнера. Это стремление воплотилось и в драме о несчастной любви бедняцкого сына солдата Войцека, и в озорной сказочной комедии «Леонс и Лена», и в незаконченной новелле о замечательном поэте и драматурге «Бури и натиска» Якобе Ленце, которого довела до безумия убогая и бездушная немецкая действительность.

Лучшее и наиболее завершенное произведение Бюхнера, конечно, «Смерть Дантона» — драма о трагических противоречиях французской буржуазной революции. Суровая правда истории олицетворена во всем развитии действия, в судьбах героев, в их размышлениях и речах (драматург использовал подлинные протоколы заседаний Конвента и революционных трибуналов). Неотвратима гибель героев, но в драме вовсе нет пессимистической критики революционных идей, как иногда пытались доказывать буржуазные истолкователи Бюхнера. Напротив, именно смелая, трагедийная правда с особой силой утверждает необходимость и величие революции и доблесть ее воинов.

Все средства образотворчества в драмах и прозе Бюхнера резко отличались от того, что было принято в его время: от красно-речивого многословия просветителей, от цветистой, избыточной метафорами речи романтиков и от строгого щепетильного стиля классицистов. Он искал точности, экономной простоты, смело использовал язык улицы, монтировал сцены, не считаясь ни с какими требованиями театральных канонов. Была в этом и юношеская дерзость, но главное — упорная забота о правде.

Бюхнер был пылким революционером, но никогда не увлекался наивными иллюзиями идеалистического, романтического бунтарства. Поэтому, хотя его больно поразила неудача его пропагандистской деятельности и недоверие, с которым отнеслись к его идеалам гессенские крестьяне, он не впал в отчаяние. Даже мучительно сомневаясь в том, что сам он еще сможет и должен делать, Бюхнер не изменил своих взглядов. Реалистическая трезвость мыслителя и художника не привела его ни к благодушно-либеральному примирению с действительностью, ни к скорбной резиньции. Он до конца оставался убежденным революционером и упрямым правдоискателем. Именно так определил он сам движущую силу своего творчества в словах, которые и доньше могут служить выражением одного из ведущих принципов гуманистического искусства: «Нужно любить человечество для того, чтобы суметь проникнуть в своеобразную сущность каждого отдельного человека...».

Лев Копелев

